

**КОМУ ВЫГОДНО ЗАСТАВИТЬ ЖУРНАЛИСТОВ МОЛЧАТЬ?**

**И. ЧУБАЙС,  
директор Центра по изучению России**

**Почему наши выборы не выбор, или Куда ведет такая демократия?**

Я хочу начать с короткого рассуждения. Очень часто вопросы, которые выносятся на обсуждение, лишены смысла по существу. Ну, например, недавно я знакомился с результатами общероссийского социологического опроса по теме: "Какая Дума будет работать лучше – новая или предыдущая?". Я считаю, что та форма Думы, которая существует, это неправильный, неадекватный механизм, бутафорный, искусственный. Она не может работать – ни старая, ни новая. Поэтому ставить так вопрос и выбрасывать огромные деньги на общероссийское исследование бессмысленно. Другой пример. Недавно я был на дискуссии "Нужны ли нам новые партии?". Да у нас нет партий, у нас нет многопартийности, это опять мифология.

Почему же я считаю, что выборы – не выборы, и та ситуация, в которой мы оказываемся, действительно чревата – это не эмоции – негативными последствиями, очень радикальными?

Что такое вообще выборы и зачем они нужны? Я бы назвал два аспекта, больше, наверное, не успею, коротко остановлюсь на них. Выборы в любой демократической стране – это форма диалога народа и власти, это форма контакта, общения, когда народ выражает свою волю и заявляет: "Мы хотим вот это, мы хотим такую-то программу, и будьте любезны, реализуйте ее". Я думаю, что в нашей ситуации диалог невозможен в силу ряда причин, некоторые из которых я назову. Первый аспект – это проблема новояза. Я думаю, вы помните Оруэлла и его роман "1984". Английский антиутопист писал о том, что в тоталитарных странах существует искусственный, выдуманный язык, на котором невозможно объясняться: "мир – это война", "любовь – это ненависть" и т. д. Мы помним, как в Советском Союзе нам вдалбливали, что "мы" живем не так, как "они". У нас два мира – две системы, два мира – две идеологии, два мира – две морали. То есть наш язык подчеркивал, что "там" живут неправильно, а "здесь" живут правильно.

С приходом Горбачева этот новояз стал исчезать. Стали использоваться нормальные русские слова: "перестройка", "гласность", "ускорение". И мы постепенно перешли на нормальный русский язык и заимствовали там, где это уместно и разумно, нормальную европейскую или мировую политическую терминологию. Мы говорим о политической элите, мы говорим о многопартийности, мы говорим об электорате, демократических выборах и прочем. Но что происходит сейчас? Когда у нас говорят о политической элите, то мы знаем, что под всей этой так называемой элитой – язык не поворачивается назвать этих людей элитой – подразумеваются абсолютно коррумпированные, аморальные, деградировавшие люди. Как можно их называть политической элитой, если они к тому же не могут нормально говорить на родном языке?

Можно рассматривать множество других терминов, и мы увидим такую же картину.

Кто у нас называет себя патриотами? Члены партии, повинной в гибели 42 миллионов соотечественников.

Мы привыкли ко лжи, настолько привыкли, что мы на нее не реагируем и не замечаем, но я утверждаю, что после 1917 года Россия вся покрылась государственной ложью, и

мы это воспринимаем как норму и правило. Ленин лгал про "фабрики – рабочим", и никто не спросил: "А где, как?". Сталин врал очень много, например, про "малой кровью, могучим ударом" – опять никто не задал вопрос. Хрущев врал про коммунизм в восьмидесятом году, и опять все нормально. Можно продолжать и дальше. Как в такой ситуации реагировать на заявления политиков, они же бессмысленны! "Союз правых сил" наобещал с три короба, прошел в Думу и тут же лопнул, как мыльный пузырь. Как можно всерьез реагировать на заявления политиков, когда ложь как бы узаконена?

Я думаю, что нужно найти какие-то рычаги, шаги, методы, которые позволят преодолеть эту ложь. Например, – это не идеальный рецепт, но это, с моей точки зрения, могло бы быть каким-то шагом, – у нас каждый молодой парень, который идет в армию, принимает присягу и отвечает головой за все свои действия. Но государственные деятели в нашей стране никакой присяги не принимают, хотя такая практика существует в ряде стран. Есть президентская присяга, и все. Я думаю, что было бы необходимо ввести присягу, которую произносит чиновник, приступая к государственной деятельности: что он не коррумпирован, что он не связан с криминалом, что он не входит ни в какие тайные организации типа масонских лож, и что он не будет лгать. И что за каждое нарушение он отвечает. Мне говорят: "Ну, таких же нет!". Зачем вы тогда вообще голосуете, если заранее знаете, что это все – ложь? Тогда не нужно голосовать. Либо голосовать и предъявлять такие требования власти, либо выборы бессмысленны. Это один аспект. Повторяю, что выборы – это диалог народа и власти, но этот диалог по многим причинам у нас почти не возможен или крайне затруднен.

Другой аспект. Собственно, одна из целей выборов – легитимизация власти. Они получают мандат от народа и поэтому имеют право делать то, что они считают нужным. Но есть ли на самом деле такой мандат? Я скажу больше: все наше государство после 1917 года является нелегитимным. Почему же легитимизировать власть тем путем, который она предлагает, невозможно?

Мы жили в тоталитарном государстве, в государстве, в котором все было запрещено. То есть можно было открыть рот, но, как ни говори, а все время у того, кто открывал рот, получалось либо "слава КПСС", либо "народ и партия едины", либо "наше дело правое, и победа коммунизма неизбежна". Ничто другое не удавалось. От ситуации тотальных запретов мы перешли к ситуации абсолютной толерантности: сегодня можно все. По крайней мере, – я бы сказал более мягко – вчера было можно все, не знаю, что будет сегодня и завтра. То есть мы оказались в ситуации, когда не существует никаких правил и никаких норм. Поэтому происходят дикие вещи, которые опять-таки никто не замечает, которые кажутся нормальными. Например, официально захоронены останки Николая Второго, и широко распахнуты двери мавзолея Владимира Ильича. Один является заказным убийцей второго, нельзя поклоняться убийце и убитому, вы либо туда, либо сюда. Нет, можно и тому, и другому, это нормально. Можно восстановить орден Андрея Первозванного и одновременно отметить восьмидесятилетие КГБ. Можно попытаться наградить Александра Исаевича Солженицына в день его восьмидесятилетия (он, правда, как известно, отказался) – и одновременно восстановить мемориальную доску Андропова, который и гноил Александра Исаевича.

Или не менее чудовищные вещи во внешней политике. Весь народ был глубоко возмущен, что какие-то потомки латышских легионеров, неонацисты (это не неонацисты, это люди, близкие к фашистским воззрениям, семидесятилетние–восьмидесятилетние деды) прошли по Риге. Это возмущает, и наверное, для этого есть основания. Но почему-то когда фашист Баркашов регистрировался кандидатом в президенты нашей страны, то никто особо ничего не говорил – у нас свобода, демократия, у нас все можно. Это разрушение всяких норм и правил разрушает все. Любая культура – это установление определенной иерархии ценностей, ситуаций, когда

есть что-то самое главное, второстепенное, третьестепенное и стостепенное. У нас нет этого, у нас можно все. В такой ситуации возникают вопросы: а зачем патриотизм, зачем государство? Кстати, ситуация разрушения ценностей совершенно не случайна, она очень удобна для власти, потому что в такой ситуации власть может все, и никто не удивляется. Логика разрушена, здравый смысл разрушен, мораль разрушена, ну и можно делать все, что угодно, и делают все, что угодно. Так легитимизировать, узаконить государство невозможно.

Еще один аспект проблемы легитимизации государства несколько глубже. Здесь я должен согласиться с одним из выступавших передо мной докладчиков, который говорил о том, что все существующие в стране законы должны быть системой. И не может быть деления законов на правильные и неправильные. Все законы правильные и все должны действовать. Но мы как раз слышали о том, что законы друг друга исключают, и непонятно, какой применять в такой ситуации. Это и есть пример неправового государства, государства, где нет закона. Хорошо известно, что во время перестройки Михаил Сергеевич где-то на второй или на третий год выбросил лозунг: "Нам надо построить правовое государство". Тем самым он признал, что семьдесят лет мы жили в неправовом государстве. И сегодня мы ничего не построили и. как ни в чем не бывало, движемся вперед. В ситуации, когда нет законов, проводить выборы и говорить о демократии нельзя, потому что демократия, на самом деле, – это даже не отмена цензуры, и демократия – это даже не многопартийность. Демократия – это, прежде всего, утверждение закона, утверждение правового режима, где есть нормальные, четкие, единые для всех правила. Если этих правил нет, то в любых выборах победит тот, у кого больше власти, больше денег. А если даже не победит, то поменяет правила по ходу игры, всегда есть возможность варьировать ситуацию как угодно, потому что нет закона.

Поскольку нет закона, говорить о легитимности государства крайне сложно. Причем отсутствие закона – это не какая-то вечная беда России. Я напомним, что в декабре 1917 года Владимир Ильич, юрист по образованию, издал декрет, который запрещал к употреблению весь корпус законов Российской Империи. Всего, что было наработано с VIII века, было запрещено к употреблению. То есть с 1917 года отсутствуют законы, и Советский Союз не является правопреемником Российской Империи, исторической России. Ленин был, как писали все советские энциклопедии, создателем Советского государства, а значит, разрушителем Российского государства – он же строил не в чистом поле. Мы существуем двенадцать веков, и все, что было создано в государственном плане до 1917 года, было разрушено. Это государство возникло в результате переворота, а новая Россия, которая существует после 1991 года, является правопреемницей Советского Союза и отказывается от правопреемства Российской Империи.

Советский Союз рухнул, потому что советская ложь не совместима с правдой. Как только стали приоткрывать "железный занавес", правда стала проникать, оказалось, что все, что говорили, – ложь, и она рухнула. Вот и упало это государство. И в юридическом смысле мы являемся продолжателями того государства, которое умерло, которое нежизнеспособно, и пытаемся что-то сделать в этой ситуации. Неудивительно, что у нас сплошь и рядом все эти титулы, звания, звезды какие-то совершенно бутафорные. Сегодня в Российской армии генералов в несколько раз больше, чем в Красной армии после Отечественной войны. Поэтому всюду охрана, никуда не подойдешь, не поговоришь, потому что они не могут подтвердить свой статус, не могут подтвердить свои заслуги, свою реальную идентичность.

Особенно забавно, что масса наблюдателей из Западной Европы приезжают посмотреть, как у нас голосуют на выборах, и рапортуют: "Да, выборы в России демократические – никто не стрелял, опускали свободно..." Если вы голосовали в

каком–нибудь шестьдесят лохматом году, то вы тоже приходили к урне, опускали бюллетень свободно. Ну, и что дальше? А что этому предшествовало, что к этому привело? Почему так получилось? Об этом там предпочитают не говорить, там предпочитают не видеть.

Как преодолеть все эти проблемы, как выйти из этой ситуации – можно предлагать много разных рецептов. Я думаю, одно из решений заключается в следующем. Наша страна разорвана во времени. Есть государства, разделенные в пространстве, как, скажем, Корея, Кипр, как когда–то Вьетнам, Германия, а наша страна разорвана во времени: до семнадцатого года это было одно государство, легитимное, правовое... Чушь говорят, когда утверждают, что в России не было закона, – был закон! Все это было, это просто отдельная тема. А после семнадцатого года – другое государство. Поэтому сегодня задача не столько в том, чтобы раскрывать "железный занавес", – он уже раскрыт, сколько в том, чтобы разрушить "красный фундамент", вбитый после семнадцатого года. Задача в том, чтобы самовоссоединиться с логикой своего развития, с логикой российской истории, вернуть в Россию Россию, не копировать бессмысленно Запад.

Конечно, надо учитывать и западный опыт, это совершенно ясно, но есть еще и Россия как некая самость, как великое государство, одно из старейших государств на планете. И на наше дерево можно прививать какие–то новые почки, но само дерево должно быть наше. А когда нам, скажем, правые предлагают просто копировать Запад и выкинуть всю свою историю, а коммунисты предлагают выкинуть все, что было до семнадцатого года и продолжать Советский Союз, то это путь в никуда, это тупик. Движение по пути самовоссоединения и есть решение наших проблем.

#### **Вопрос:**

- Я так понял, что, в принципе. Вы благожелательно относитесь к восстановлению монархии в России как одной из форм преемственности. В таком случае Вы должны быть довольны результатами выборов. У нас есть полковник Путин на месте полковника Романова. У нас есть свой Распутин в образе Березовского. Мы имеем авторитарную страну, в которой президент имеет больше полномочий, чем монарх, он может делать все, что хочет. В принципе, мы имеем полную преемственность, и я не понимаю, почему Вы не радуетесь?

#### **И. Чубайс:**

- Во–первых, никакой полной преемственности нет, во–вторых, если бы она была, это было бы катастрофой. Я же не призываю вернуться в конец прошлого века. Я призываю продлить логику развития и вписать ее в сегодняшний день, это не одно и то же. Это все равно, что в семье Ваших друзей родился ребенок. Вы пришли и видите, как он прильнул к матери и сосет молоко: "Ай, как здорово, молодец!". Вы приходите через полгода, он опять обедает, Вы довольны. Вы приходите через пятнадцать лет, и он опять делает то же самое. Как Вы отреагируете? Я не призывал сегодня возвращаться к началу века. Я призываю вернуться к логике развития.

О монархии скажу коротко. Во–первых, невозможно восстановить ту монархию, которая была: Романовы –300 лет, а до них – Рюриковичи, между ними еще Шуйские, Годуновы и так далее. Такую монархию вернуть нельзя. Но подумайте: Вы, наверное, чувствуете, как каждый чувствует, как не хватает нам общих спланированных ценностей, символов. Ведь наш народ – разный по этническому составу, это особая тема – национальность. Здесь опять миф: никаких разных национальностей у нас нет, у нас одна национальность – россияне. Национальность – это то, что образует государство. Кто такие русские? Русские – это были древляне, поляне, северяне, кривичи и так далее.

На Руси жили русские, в Америке живут американцы – разные расы, но они все американцы. Поэтому нам не хватает общности и единства. У нас слово "россиянин" вызывает улыбку. Еще в начале века Мережковский писал: "Многоязычная российская нация". И о том же писали Бердяев, Достоевский. Как нас сплотить – разные этносы, разные доходы? Для этого нужны общие символы. Как было бы важно, если бы у нас появился символ не только в виде триколора, а в виде живого человека, который бы символизировал и современную Россию, и трехсотлетнюю–четырёхсотлетнюю историю. Разве это не здорово, разве мы бы не потянулись к такому человеку?

### **Вопрос:**

- Вы действительно говорите о России до семнадцатого года как о правовом государстве? Вы не путаете эту версию с государством, где действуют законы? То есть там, где черта оседлости, это для Вас правовое государство? У Вас здесь ничего не вызывает протеста?

### **И. Чубайс:**

- Понятие "правовое государство" имеет несколько аспектов. Это традиционное западное понимание: правовое – это там, где есть разделение властей, гарантированы права человека и еще два–три аспекта. Но о правовом государстве часто говорят в другом смысле – в том, что это государство, где есть вообще законы. Что касается Российского исторического государства – та же черта оседлости была во всей Европе, это вовсе не русское изобретение – она была и в Испании, и в Чехии. Это история. Поэтому Россия была не хуже. Вы знаете, что эмиграция в Россию в начале века была второй в мире? Какая же она тоталитарная? В Америку бежали, и в Россию приезжали – со всего мира. Мы же просто не знаем массу вещей о России.

### **Вопрос:**

- На Ваш взгляд, какой должна быть тактика действий прессы в условиях мягкого либо среднего авторитаризма, который, судя по всему, возможен в нашей стране. Вы можете предложить сценарий? Как прессе–то быть? Эмигрировать?

### **И. Чубайс:**

- Один из способов был предложен во Франции в 1940 году. Страна была оккупирована, и возникло мощное движение Сопротивления. Казалось бы, какие шансы, когда Риббентроп и Молотов все подписали – никаких шансов. Они руководствовались не принципом "когда общество созреет", "когда люди будут готовы", а они руководствовались философией экзистенциализма: "Есть я, есть моя самость, есть моя воля, есть моя совесть и так далее, и поэтому я буду делать то, что я считаю нужным, мне не важно, что они там говорят, есть моя экзистенция, я должен говорить правду, то, что я считаю нужным, я отвечаю перед собой, я сохраняю себя". Жить не по лжи – это же всем известный призыв, он, к сожалению, актуален. Это первое. Не лгите, говорите правду, и все будет по–другому.

И второе – я думаю, что необходимо создание разного типа ассоциаций, объединений. Нет гражданского общества. В Америке какой–то мелкий актеришка, которого чуть–чуть обидели, обращается в актерскую гильдию. И если вы обидели одного, к вам никто больше не придет. Они все встают горой на защиту друг друга. Есть гражданские структуры. Создайте ассоциацию журналистов – одного обидели, и все за него. Публикуйте заявления типа: "Этот сделал то–то, мы, все газеты, требуем отставки чиновника, который нарушил закон!".